

УДК 130.122

«ЗАБОТА О СЕБЕ» КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

А.А. Тягунов

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет»
(г. Тверь)

Статья посвящена анализу феномена «забота о себе» как адекватного вызовам современности социального способа адаптации и самозащиты, механизма противостояния прагматизму, корректировки интересов и ожиданий, обусловленных влиянием современных технологий.

Ключевые слова: *«забота о себе», трансформация «предмета» заботы, влияние современных технологий.*

Современность – это вызов для каждого, живущего в мире рисков и неопределенностей, в глобальном социальном пространстве с доминирующим прагматическим устремлением. Отвечать на вызовы современности можно по-разному – конструктивно, деструктивно, стратегически, тактически, рационально-рефлексивно, иррационально-аффективно, рискованно, неопределенно, ответственно, безответственно, беззаботно, озабоченно и т. д. Требование отвечать на вызовы современности или удовлетворять «запросам» времени коренится в природе философской рефлексии, является обязанностью философствования. Сегодня мыслить о полифонии вызовов современности в призме императива «забота о себе», усмотреть наличный и возможный предмет (содержание) заботы представляется важнейшей задачей. Это согласуется с высказыванием А. Бадью о том, что философия должна предъявить позицию, адресуя ее человеку так, чтобы можно было выживать, сохраняя достоинство и этическую состоятельность в современном мире неопределенности и различия [3, с. 44–87].

Теоретический конструкт «забота о себе» наполняется различным содержанием, «завязывается» на наличную социокультурную ситуацию, задается мировоззренческой позицией. Этот термин имеет многообразие интерпретаций, восходит к сократовскому «я знаю только то, что ничего не знаю», к проблеме самопознания. Интенциональный предмет «заботы о себе» конституируется в наличных социальных проблемах. Как нам представляется, актуальной для социально-философской рефлексии предстает такое «содержание» заботы, как проблема трансформации идентичности, фундированная изменениями «образа-Я» и «Другого», туманная конфигурация идентичностей, провоцируемая в том числе влиянием современных технологий.

Этимологически слово «забота» берет начало от латинского *intendere*, которое состоит из *in* плюс *tendere, tensum*, что означает «на-

тяжение», «напряжение», «намерение в направлении чего-то». Корневое слово «tend» (ухаживать) – заботиться является центром термина «intentionality» (интенциональность). Феномен «заботы» как ценностное представление и максима наблюдается уже в архаическом обществе и регистрируется в «Илиаде» Гомера. Согласно Р.Г. Апресяну: «...Он отслеживается на уровне поведенческой и коммуникативной практики, в аспекте определенного содержания решений и действий. Это содержание положительно выражается в воздержании от причинения неоправданного ущерба, в стремлении к справедливости, в благорасположении, сотрудничестве, дружеском соучастии, заботливом участии, а негативно – во враждебности, недоброжелательности, несправедливости, безучастности, безжалостности...» [1, с. 22]. Предмет первостепенной заботы для гомеровского героя – time–честь. Time отражает безопасность человека, состояние его собственности, его статус и соответственно безопасность и положение его семьи, других его близких. Человек Гомера очевидно заботится о себе и своих интересах – безопасности, собственности, статусе, одним словом, о своем time. Он также заботится об интересах своих друзей, на которых он может положиться в вопросах собственной безопасности или статуса. В своем попечении о близких гомеровский человек очевидно заботиться о себе самом, так как ущерб кому-либо из этого круга одновременно является и ущербом time самого человека.

А.С. Ахиезер считает, что распознавание заботы восходит к началам философствования, к тезису Протагора «человек есть мера всех вещей». В начале философствования «лежит возникающая осмысленная озабоченность человека самим собой, своим местом в мироздании. Эта потребность возникла в результате отхода от синкретизма, осознания человеком своего отличия от мироздания и одновременно их тождества. С тех пор профессиональная философия постоянно пыталась сформулировать и решать проблему самоосознания, самоопределения человека, выявлять его отношение к миру, к самому себе» [2, с. 22]. В генезисе развития человека как субъекта, подчеркивает А.С. Ахиезер, озабоченность (как черта культуры, как ее гуманистический аспект) появляется как озабоченность появлением нового человека, и опирается она на глубокие идеи осевого времени. Именно человек стал предметом озабоченности, а озабоченность материальным производством приобретает характер побочного продукта развития человека-субъекта, его способности развивать свой потенциал. «Это в свою очередь означало, что в сфере озабоченности попадало все большее разнообразие аспектов, параметров Другого, что могло умножать аспекты озабоченности своим Я, озабоченности МЫ» [2, с. 11].

Идея заботы проходит сквозь всю историю философской мысли, несет в себе герменевтический смысл¹. Феномен заботы, взятый в более конкретном виде, служил предметом философского рассмотрения еще у античных мыслителей. Это прежде всего относится к Сократу, выдвинувшему концепцию самопознания, в которой ключевую роль играла «забота о себе». Самопознание – это по существу путь к себе и другому, путь взаимопонимания Я и Другого, путь заботы о себе и Другом. Принцип Сократа «Познай самого себя» означает признание души руководящим началом в человеке, это призыв к «заботе о душе», к осмысленной духовной жизни, к воспитанию благородства духа. На пути интеллектуального и морального проникновения в свое «Я», заботе о своем «Я» возможны самосовершенствование, добродетель и богатая жизнь. По Сократу, индивид должен возвышать себя до субъекта нравственно-ответственного поведения. Личность берет на себя бремя ответственности и вины за свое поведение.

Именно эта тема, покинув изначальные рамки и отделившись от первичного философского смысла, постепенно обрела форму «культуры себя». «Термин этот показывает, что принцип заботы о себе получил достаточно общее значение: во всяком случае, призыв «заботиться о себе» стал императивом многих отличных друг от друга доктрин; он стал образцом действия, манерой поведения, пропитал различные стили жизни, оформился в многочисленные процедуры, практики, предписания... Таким образом, он конституировал социальную практику, предоставив основание для межличностных связей, обменов и коммуникаций, а порой и для институтов; наконец, он породил определенный способ познания и обработки знаний» [5, с. 52].

Забота о душе – это лишь часть проблемы культуры себя, поставленная античными философами. Забота о себе подразумевала целый комплекс дел: заботы домовладельца, задачи правителя, пекущегося о подданных, уход за больными и ранеными, уход за телом, режим, помогающий поддерживать здоровье, постоянные физические упражнения, по возможности умеренное удовлетворение потребностей и т. д. Иначе говоря, вокруг заботы о себе разворачивалась деятельность, в которой тесно переплеталась работа над собой и общение с другими. Эта деятельность включала два аспекта: во-первых, общение с самим собой (уединение), во-вторых, общественную практику, практику общения с институционализированными структурами. М. Фуко пишет об этой деятельности: «Но не только наличие школ, образования и профессиональ-

¹ Эта тема звучит в работах Сенеки, Эпиктета, Плутарха, Цицерона, Марка Аврелия, У. Джеймса, М. Хайдеггера, М. Фуко, а также отталкивается от таких философско-религиозных систем, как индийская йога, даосизм, дзэн-буддизм, конфуцианство и др.

ных духовных наставников обеспечивало социальную базу этой работы над собой; она без труда могла опереться на всю сеть привычных отношений родства, дружбы или долга. Когда тот, кто практикует заботу о себе, взывает к другому, угадывая в нем способность вести и советовать, он как бы осуществляет некое свое право, оказывая же другому щедрую помощь или с благодарностью принимая его уроки, – исполняет долг... Стало быть, забота о себе – или труды, предпринимаемые затем, чтобы другие прониклись такой заботой, – интенсифицирует социальные отношения» [5, с. 61].

Отношение субъекта к себе приобретает характер некоей инспекции, когда «соглядатай», или «надзиратель», оценивает, как выполнена работа. «Если “ничего от себя не утаивают”, если “ничего не обходят”, то лишь затем, чтобы сказать себе: “Смотри, впредь не делай этого”, чтобы запомнить ошибки и после ставить перед разумом должны и хорошо обоснованные цели, избирая надлежащие правила поведения и средства, позволяющие их достичь. Следовательно, рассмотрение воссоздает ошибку не ради установления вины или пробуждения чувства раскаяния, но затем, чтобы, исходя из памятующего и продуманного признания своей неудачи, укрепить то рациональное оснащение, которое обеспечивает мудрое поведение» [там же, с. 71].

Таким образом, как показали исследования М. Фуко, в императиве «заботы о себе» индивидуум в древности конституировал себя как такового через различного рода «техники себя». Понятие «забота о себе» включает телесное, социальное и духовное самосохранение. Заметим, что древние греки первые в мировой истории «озаботились» здоровьем своих граждан, тем, что называется сегодня «здоровым образом жизни».

М. Фуко полагает заботу о себе путеводной нитью эволюции, он пишет: «...в понятии *epimeleia heautou* перед нами настоящий свод установлений касательно способа быть, действовать, форм рефлексии, практик, что делает его феноменом исключительной важности не только в истории понятий или теорий, но в истории субъективности или, если угодно, в истории практик субъективности» [6, с. 24].

Все имеет в себе заботу или намерение, интенцию. Вообще, не бывает ни смысла, ни действия без заботы о себе. Забота является началом, конституирующим наш мир. Человек в своем бытии – это существо, которое заботит бытие. Так объясняет в XX в. всеобщность заботы М. Хайдеггер [7].

Тема «заботы» – одна из центральных в фундаментальной онтологии человеческого существования. Сущность человеческого существования «в-мире-бытия» определяется Хайдеггером как забота. Забота есть всеохватывающее основополагающее начало, соединяющее все способы существования. Она разворачивается в трех основных формах: в экзистенции («забегание-вперед-себя», проект), в фактичности («бы-

тие-уже-в», заброшенность) и в попадании во власть и владение («бытие-при»). М. Хайдеггер указывает, что подлинный смысл заботы – это проникнутость временем, причем будущему (как структуре экзистенциальности) отдается приоритет. При обхождении с миром сподручных вещей забота выступает как обихаживание, уход, поддержание в порядке. При обхождении с другими людьми забота оборачивается попечением, опекой. В трактате «Бытие и время» М. Хайдеггер различает три модуса времени (прошлое, настоящее и будущее), которые образуют три структурных элемента существования как «заботы». Подлинно человек существует лишь в том случае, если господствующим является модус будущего, если человек активно выбирает самого себя, выходит за собственные пределы, перевес настоящего приводит к растворенности в мире повседневности, безличности [7]. Забота – экзистенциал, фиксирующий основное состояние «бытия-сознания», распростертого во времени, немислимого вне его неумолимого потока.

В «Герменевтике субъекта» М. Фуко пишет, что цель заботы о себе не в том, чтобы отстраниться от мира, но в том, чтобы сделаться в нем субъектом разумного поведения. Обращение на себя следует понимать не как отступничество и отказ от деятельности, но именно как стремление обрести в отношении к себе точку опоры для отношения к вещам, событиям, миру.

Согласно М. Фуко, забота о себе – это не приглашение к бездействию, это то, что побуждает действовать, то, что учреждает нас в качестве истинного субъекта наших действий. Она не только не отделяет нас от мира, но позволяет нам правильно поместить себя в него: «Когда мы переключаем внимание на себя, то при этом, как мы видели, нет речи об отворачивании от мира и учреждении себя самого в качестве какого-то абсолюта. Речь о том, чтобы возможно точнее определить то место, которое мы занимаем в мире, и целое тех необходимых связей, которыми мы повязаны» [5, с. 587]. Забота о себе и другом – это первейший долг человека перед собой и перед обществом. Дефицит такого рода долга – свидетельство маргинальности, ущербности, он таит в себе непредсказуемую угрозу. Эту мысль подчеркивает М. Фуко, рассматривая феномен «беззаботности».

Трансформацией «содержания» «заботы» в эпоху тотального потребления, в контексте современного знакового потребления «озабочен» Ж. Бодрийяр [4]. Размышления Ж. Бодрийяра фундированы в тезис знакового потребления. Знак заменяет собой реальность, потребляемые знаки, «симулякры», превращают всю жизнь в симуляцию, в манипуляцию знаками. Знак, «симулякр», как бы помогает человеку овладеть реальностью, но одновременно он уничтожает реальное, заменяя его собой. Это в полной мере относится к заботе. Ж. Бодрийяр развивает мысль о том, что людей в развитых обществах связывает потребление, которое обеспечивает их дифференциацию и их сходство, заданное оп-

ределенными потребительскими моделями. «В современном обществе потребления наличествует мистика заботы, поскольку все является услугой, все, что предоставлено для потребления, никогда не дается просто-напросто как продукт, а всегда как личная услуга, как удовлетворение» [4, с. 203]. Система удовлетворения и заботы в современных обществах имеет официальные опоры: ими служат все институты социального перераспределения.

В обществе потребления непрерывно потребляется и забота, и знаки этой заботы. Огромная система заботы имеет тотальное противоречие, пишет Ж. Бодрийяр. Эта система является системой производства – производства коммуникации, человеческого смысла услуг. Она производит жизнь в обществе. Однако в качестве системы производства она может только подчиняться тем же самым законам, что и способ производства материальных благ, она может только воспроизводить в самом своем функционировании те же самые общественные отношения, которые она имеет целью преодолеть. Предназначенная производить заботу, она обречена одновременно производить и воспроизводить дистанцию, отсутствие коммуникации, непроницаемость и жестокость. Система заботы современности искривлена, искажена и застужена, как образно высказывается о ней философ. Ж. Бодрийяр считает, что нужно признать двусмысленность и терроризм заботы. Один смысл заботы – это дар; второе значение заботы – это требование ответа, «домогательство», настойчивая просьба.

Функция всякого, институционального или неинституционального аппарата заботы, пишет философ, состоит в том, чтобы одновременно награждать, и удовлетворять, и соблазнять, и тайком совращать. Выраженная в своей риторике, забота имеет точные общественные функции: эмоциональной обработки индивидов; политической стратегии неформальной интеграции; «политического» контроля, действующего через требование и заботу, который удваивается более интимным контролем над самими мотивациями. Раскрывая феномен заботы, Ж. Бодрийяр фиксирует внимание на том, что вся система заботы является только эмоциональной и функциональной модуляцией системы отношений, где статус индивида целиком меняется. «Личность», фундированная в автономии, характере, собственной ценности «Я» исчезла в пользу персонализации, которой соответствует принцип постоянного изменения в зависимости от свода правил, где ценность индивида рационализируется, усиливается, меняется. Индивид становится социометрическим существом, определение которого состоит в том, что оно находится на пересечении с другим. В обществе потребления, где сеть тоскливых отношений, функциональная совместимость, речь идет о том, чтобы найти контакт с другими и получить их одобрение, заботиться об их оценке и о позитивной близости к ним. Мистика одобрения заменила собой мисти-

ку испытания. Каждый «заботится» и манипулирует, каждый является объектом заботы и манипуляции.

Философская рефлексия феномена «забота о себе», как следует из данного текста, обращена к постоянным изменениям «предмета» заботы, к ответам «заботы» на вызовы возникающих социальных проблем. Сегодня важно заявить о том, что происходит потеря социального контроля над новейшими практиками «заботы о себе», инициированными влиянием современных техник и технологий. Современные «продукты» NBIC-технологий радикально проблематизируют традиционные представления о границах жизни и смерти, об основополагающих структурах самоидентичности человека, о различении своего и чужого. Так, виртуальная реальность, создаваемая информационными технологиями, в первую очередь влияет на самоидентичность. Кризис самоидентичности заключается в разрушении условий возможности целостного восприятия субъектом себя как самотождественной личности. Этот процесс сопровождается биопсихосоциальной дезориентацией, невозможностью дифференцировать значимость события, а также ценность и самоценность своей жизни. В киберпространстве размывается целостность человека, его критическая рефлексия, граница между реальным и нереальным, теряется ясное представление о границе возможного и невозможного, которое всегда лежало в основе рационального планирования действий. Усиливает это «экзистенциальное состояние» глобализация, которая, расширяя социокультурное пространство, многократно убыстряет время становления личности. В потоке становления личность часто не может дифференцировать существенные и второстепенные по своей значимости для нее события.

Забота ярко демонстрирует баланс сущего и должного, адекватность возникающих социальных практик адаптации, способов индивидуального и социального самосохранения. В заключение укажем на открытость проблематики «заботы о себе», её «наполняемости» в ответ на вызовы современности, среди которых возможности и провокации, исходящие от «продуктов» новейших технологий.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. Истоки морали в архаическом обществе. На материале «Илиады» // Человек. 2011. №3.
2. Ахиезер А.С. Проблема субъекта: человек-субъект // Вопросы философии. 2007. №12.
3. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб., 2006.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М., 2006.
5. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.

6. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности – III. Киев; М., 1998.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

«SELF-CARE" AS A RESPONSE TO THE CONTEMPORARY REALITY CHALLENGE

A.A. Tyagounov

Tver State Technology University, Tver

The article is aimed at the analysis of "self-care" phenomenon as adequate to the challenges of the contemporary adaptation and self-defense strategy, to the mechanism of resistance to pragmatism, as well as to the correction of interests and expectations influenced by contemporary technology.

Keywords: *"self-care", transformation of the care "area", the contemporary technologies' influence.*

Об авторе:

ТЯГУНОВ Александр Александрович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой управления и страхования рисков Тверского государственного технического университета. E-mail: pif1997@mail.ru